

Татьяна Никитина, ноябрь 2002 года.

Откуда она возникла – эта самая авторская песня, чем мы обязаны ее появлению? Наверное, в первую очередь, все-таки «спасибо» советскому тотальному зажиму. Возникла ответная реакция – естественное сопротивление тупому, невыносимому зажиму во всех его проявлениях, например, любить в отведенных рамках – Родину, производственный процесс, партию, женщину-товарища-подругу-комсомолку-отличницу и т.д. Желание прокричать, что ты не масса, что ты существуешь отдельно, сам по себе, со своими скромными заботами, болями, любовями и изменами, выдохнуть свои слова о твоём самом главном, что жизнь не исчерпывалась разрешенным кругом тем и разрешенным словарем, подвело нас к рождению авторской песни. Сейчас трудно поверить, но ведь в эфире и на бумаге существовал определенный набор слов, бывших в употреблении, разрешенный к употреблению язык. Думаю, одна из главных причин непечатания А.Ахматовой, Пастернака и других мастеров слова была не только в том, ЧТО они говорили, но и КАК – каким развитым, ВОЛЬНЫМ, прекрасным – СВОИМ языком, который не только не подчинялся постановлениям партии, но подчеркивал их убогость. Тот факт, что авторская песня началась после войны, с людей отвоевавших, заглянувших в глаза смерти и уже по одному этому освободившихся от диктатуры, ставших раскольниками, подтверждает этот постулат. Авторская песня была голосом вольницы.

Первые песни, спетые не в лагерях, а на воле, были написаны Михаилом Анчаровым – писателем, сценаристом и потом Булатом Окуджавой – людьми фронтового поколения. Все остальные пришли потом. По разному сложилась судьба первых авторов. Окуджаву ждала огромная слава, его ранние песни – лирика молоденького солдата уцелевшего на фронте. Но с самого начала проявилась удивительная пронзительность, чистота и единственность этих незамысловатых песен. Казалось, биг дил, страна полна песен, а вот подишь ты, именно эти сразу запали в душу. Сейчас все привычно, но когда впервые раздался из чудовищных шипящих магнитофонов летучий голос Булата (М.Анчаров был менее известен), это был шок. Оказывается, можно так просто и так по своему благородно и возвышенно говорить о своей любви к женщине – "Женщина, Ваше величество! Так неужели ко мне"?.. Этот обычный московский парень сказал о себе "Я дворянин московского двора, своим двором введенный во дворянство"... Не богатство, не власть, не принадлежность к голубой крови, но подлинная избранность по благородству, по чести, по человеческому достоинству – все то, с чем так боролся этот режим – вдруг оказалось не только живо, но и страстно востребовано. Не знаю, как сложилась бы судьба АП, не начнись она именно с Окуджавы – одаренного поэта, талантливого барда. В его музыке слилось много течений – и городской русский романс, и лучшие образцы советских лирических мелодий, на ниве которых творили талантливые музыканты, и осколки грузинских мелодических ходов и напевы еврейских местечек. Но

когда открылись границы, стало видно, насколько близок музыкальный язык Б.О. к французскому шансону. Т.е. что-то носилось в мировом культурном пространстве, что проникло и в закрытую-перекрытую страну, некий универсальный песенный строй. Может быть, тому способствовала всеобщая война против фашистов, которая своей трагедией сблизила народы, заставила их услышать друг друга, приоткрыла советским новый мир пусть даже и в руинах...

Всю жизнь вместе с поэтом росли и менялись его удивительные песни. Мы слушали его лирические, глубоко личные песни. Было так важно знать, что он видел и чувствовал в нашей общей жизни, что думал об общем отечестве. Появилось много нового не только по стилистике, но и по тематике: "Римская империя времени упадка" и там же "Дураки обожают собираться в стаи впереди главный во всей красе", "А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем поужинать, в "Яр" заскочить..."

Своим творчеством Б.Ш. задал правила игры в этом жанре – тон, стиль, интонация, чувство меры и строгого самоограничения в песне. Не только в жизни, но и на сцене он вел себя с большим достоинством – не суеблив, скромно, сосредоточен и серьезен. Это был человек, которому было, что сказать, который был "властелином дум, который выполнял одну из самых главных миссий искусства – восславлял свободу и "милость к падшим призывал". То, чему в другие времена служила отчасти религия, в годы советской власти приняла на свои плечи Музыка, Литература, одним словом, Искусство. Созданием и сохранением этически нравственных критериев для человека, живущего в атмосфере фальшивой пропаганды, иногда предательства, низменных чувств, когда даже самое страшное, что могло быть, – война – служила очищением от страха и лжи, когда слово Родина, патриотизм, героизм были опошлены чрезмерными лозунгами, этой благородной работой были заняты лучшие наши музыканты, художники, писатели. Известно, почему Анна Андреевна не уехала из России. Она, в частности, опасалась всеобщего одичания народа. Кто-то должен был знать, что такое Эрмитаж, и почему Пушкин был для России как солнце. Из этой же когорты и Б.Ш.. Он нес в своем творчестве идеалы литературы 19 века. Говорят, что поэт в России больше, чем поэт – и это в полной мере относится к Б.О. Наверное, сегодня странно для некоторых людей слышать, каким могуществом обладало слово в России. Но без исторического, религиозно-философского экскурса понять это трудно. Обо всем этом написаны многие умные тома.

Итак, АП во многом выросла или началась от Б.Ш. Он очертил главный круг тем и повлиял почти на каждого, кто потом пошел за ним. Позже и сам Б.Ш. испытал влияние лучших молодых авторов на своем творчестве. Думаю, как привет Ю.Киму возникла "Когда воротимся мы в Порленд". Вслед за Б.Ш. было так естественно появление других авторов со своим ярким незаштампованным словом, важными волнующими темами. Особое место здесь занимают Александр Галич и Юз Олешковский. Творчество Ю.О. не было так широко известно, как А.Г., за исключением главной песни

"Товарищ Сталин, вы большой ученый". Но у обоих, несмотря на разность одаренностей и масштаба творчества, зазвучал голос людей отсидевших в лагерях, зазвучало прямое обвинение страшной политической системе, уничтожавшей людей морально и физически. Без всяких эзоповских прятаний в стране стали слышны голоса людей убитых, которых тогда не принято было вспоминать, чтобы не портить "красивой, счастливой, сытой и радостной" советской действительности. Стиль этих песен был полутюремный, приклатненый, а герои часто из «бывших», из интеллигентов, которых сделали каторжниками.

Впервые мы услышали тех, кто сажал или мог посадить – страшного обывателя, готового продать и предать, когда это выгодно (Баллада о тети Кале, оставившей наследство коммунисту за границей). А.Г. не жалел и не утешал нас, как Б.Ш., а заставлял страдать и корчиться – Посмотрите на себя, это все Мы.

Кажется, трудно привести пример из жизни других стран, когда бы с помощью такого скромного демократичного жанра, как песня, ставились такие серьезные и тяжелые вопросы для человека, живущего в подобной бескислородной атмосфере. Распространение АП было сугубо доморощенным: переписывались пленки. Чтобы добраться до подпольных песен, надо было поработать самому. Видимо, была такая страшная и пронзительная правда в этих первых ласточках, что весь идеологический аппарат ошетинился против них. Не удивительно, что А.Г. вынужден был покинуть страну, которая так в нем нуждалась. То же, кажется, произошло и с Ю.О.

Но было поздно, джин вылетел из бутылки – на дворе уже хрипел голос В.Высотского. В.В. поначалу заполнил театральную песенную нишу. Из капустников, из остроумных зубоскальств начинался новый автор не предвещавший больших социально политических бурь. Настораживало то, что он пел запрещенные опасные и пугающие песни А.Г. в домах, не со сцены. Настоящий В.В. начался позже. Успех у него был феноменальный. Это был один из народа, не дворянин с Арбата с тонкими возвышенными чувствами, а полу-урка, простой, ясный – свой. Многие думали, что он сидел, многие думали, что он воевал. Он был народным массовым героем коммуналок, полуподвалов, он был тем, кто должен был грызть эту голодную, убогую жизнь, чтобы выжить. Большинство нашей несчастной, вечно голодной, жестокой страны рванулось душой на этот понятный крик. Язык В.В. взят из жизни, в нем не было поэтических изысков. В.В. делал театр одного актера, его самого, и в этом театре работало уже не только слово, но и образ автора, его темперамент, он смотрел на себя со стороны и не призывал, а заставлял сопереживать с собой, он лицедействовал... Успех каждого театра зависит от всех его компонентов, и когда не стало В.В., без его голоса театр рассыпался. Не восполним и Б.Ш., но его песни не так сильно пострадали от чужого исполнения. Никто другой не восполнил эмоционально и художественно то, что прикрывал своим актерским талантом Высоцкий. Литературные огрехи при публикации песен стали тоже заметнее. В.В. был штучным уникальным

явлением, переживет ли его творчество время, поймут ли его следующие поколения – трудно сказать. Кажется, В.В пел слишком на злобу дня тогдашнего. Но место его необыкновенно важно и значительно. В.В в музыкальном языке использовал любимые "цыганочки", ту же блатную интонацию, некую форму русского народного рока. Музыка его подчас кажется даже без выраженной мелодии, но главенство ритма, необыкновенный темперамент, самоотдача – как в последний раз, в последнюю минуту жизни – пробивались сквозь все оболочки защитного безразличия, сквозь языковые барьеры на иностранных площадках. Он был тем русским, которого Запад представлял себе всегда – сумасшедшим, бесшабашным, безудержным, добрым и диким. Но видимо, в этом была большая правда, раз его так боготворил народ.

Надо сказать, что только через много лет после смерти (1980) имя и песни В.В стали разрешены официально. С моей точки зрения, именно эти авторы задали тон и определили пути развития АП. Вслед за ними было много авторов талантливых и одаренных с удачными и не очень песнями. Вся территория Советского Союза всколыхнулась и запела, наступило массовое освоение песенного пространства. Запели студенты, работяги, врачи и учителя – все слои и народности страны.

Массовое движение АП – это нечто совсем отличное от творчества отдельного автора. Здесь работает переход количества в качество. Но побудителем такого массового интереса оставался все тот же искусственно поддерживаемый системой вакуум, только разрешенное разрешено, только отстерилизованное цензурой, отмеренное на их весах. В брежневские времена организовалась официальная жизнь массовой АП. Как стало ясно теперь, даже эта жизнь была под пристальным оком КГБ. Не пускали, но не душили до конца. Может, проглядели, и самим дороже было возиться с «ними», но по сути – не с чем было особенно бороться. Мир менялся, если не песня, так что-то другое могло взбрести на ум. Хотя был Ю.Ким, он вел себя плохо: пел и писал не то, что нужно. Б.О. писал как бы лирику, да не ту и не так как поэты-песенники Доризо или Ошанин с Добронравовым.

Композиторам и поэтам за песни платили деньги, а эти создавали конкуренцию... Атмосфера вокруг была тухлая. Но советские профессионалы не могли писать так как «эти», и в этом была вся проблема. Веселый, острый, умный и талантливый вольный шут Ю.Ким не потерялся среди громких, выше названных имен. С ним и его друзьями запела молодая новая страна, которую по возрасту и милости божьей миновали тюрьмы. Хоть сам Ким и умудрился быть на волосок от каталажки, но не за песни. Кроме острых смешных политических песен Кима, с ним и его друзьями из пединститута – Ю.Визбором, А.Якушевой и многими другими – покатила лавина студенческой молодежи. Всем хочется быть счастливым, найти свой мир чувств, шутить, петь, целоваться, дурачиться и в песнях той волны это все было. "Мама я хочу домой", " Ты мое дыхание", "Весеннее ЧП", "Песни 1812 года".

Ленинградцы тоже не отставали, гнули свою серьезную гражданственную лирику.

Невольно складывалось так, что возникали неформальные лидеры в песенной среде. В Питере одним из самых серьезных и интересных авторов стал поэт, геофизик А.Городницкий. Как правило, за такими лидерами, как он, стояло не только умение и способности к поэтическому и музыкальному творчеству, но и интересная судьба, яркая человеческая индивидуальность автора. В песнях таких людей читались подлинные истории и судьбы рассказчиков, им верили даже тогда, когда лирический герой песни не совпадал с реальным автором. Известна история, что однажды А.Городницкий едва не был побит, когда признался работягам в геопартии, что песню "На Колыму, на Магадан" написал он – "занюханный интеллигент" из Ленинграда, а не ЗЭКа.

Всю свою жизнь рассказал и спел журналист Ю.Визбор. От него пришла лесная, костровая, туристская романтика, альпинистские рассказы, истории отвоевавших отцов и братьев: "Виталий Палыч", "Сергея Санин". На первый план выступали подчас не литературные или музыкальные достоинства песен, а именно полное доверие к рассказчику, интерес к его личности, обаяние "своего" человека. Если Б.Ш, В.В. или А.Г. никогда не стремились быть в любви и согласии со слушателями, они были как есть, и мы сами шли к ним, то Ю.В. искал собеседников, друзей, с которыми ему в жизни было так естественно дышать. Это был другой вид вольного творчества, который был востребован молодежью.

В середине 60-х годов возникло еще одно направление АП. Появились авторы, слагающие песни на чужие стихи. Со одной стороны, это было против правил – ведь именно написанное тобой Слово служило первым паролем для существования в этом жанре. Но часто, к сожалению, правдивость и искренность чувств авторов не соответствовала тем художественным критериям, которые уже были заданы Б.Ш. или А.Галичем. И все равно приходила популярность, известность и любовь к «своим». Трудно сказать, с какой скоростью шел бы процесс ографоманивания АП, если бы не возникло этого нового течения: пения чужих стихов.

Сразу среди новеньких выделился Сергей Никитин. Поначалу, как только он стал петь, никому не приходило в голову, что это стихи написанные не им. Так Никитин определил свои правила жизни – присвоить, сделать своим, пропустить сквозь себя, спеть так, как будто это сказал ты. Пока дело касалось стихов ровесников-студентов, все было просто – все варились в одном бульоне и не надо было сильно стараться, чтобы петь от своего лица. Быстрая популярность, пришедшая к С.Н., к счастью, не соблазнила его лаврами стихотворца. Профессиональные стихи, а не только студенческая самодеятельность (самая первая песня на стихи И.Уткина "В дороге", "Рыбак" В.Ходасевича, вскоре встреча с Ю.Мориц, М.Светловым) повлияли на его отношение к сочинительству музыки и на

создание этого нового течения в АП. Пожалуй, можно сказать, что в это направление вошло самое ценное из всего, что тогда уже возникло – подлинная поэзия, которую ставил во главу угла Б.Ш., исполнительское мастерство В.В., свобода в приближении к драматической, трагической песни А.Г., художественные пленительные полеты Ю.Кима.

Вряд ли есть какой-нибудь другой автор-композитор, который с таким уважением и вниманием относился бы к слову как С.Н.. Ни один знак препинания никогда не был им упущен, стихам в его музыке легко и комфортно. По сути, дело, которым занимается Сергей – это услышать то, что заложено в стихах, почувствовать их воздух, их недосказанность, что осталось за словом, за скобками, что читатель должен дочувствовать, страдать, додумать. Это не просто сочинение мелодии, не просто композиторское ремесло, но переплавление поэзии в новое качество. Это попытка музыкального перевода стихотворения. Не написание музыки, чем занимаются обычно композиторы, а создание принципиально иного качества первоначального стихотворения. Сродни этому ремеслу работа переводчика с иностранного языка. Но и переводчики делают свое дело по-разному. Строго говоря, М.Лермонтов не переводил дословно стихотворение Гете «Горные вершины», но создал произведение равное по художественной силе и правде тому, что написал Гете. И эта высшая художественная правда сильнее ученически точного перевода В.Брюсова, который почти никто и не знает. Но есть и блистательные примеры абсолютно точного следования слову и ритму оригинала. Подобной работой мы обязана С.Маршаку, когда он переводил Бернса или «Сонеты» Шекспира.

Никитин пользуется всей возможной палитрой переводчика – иногда это строгое следование слову и смыслу стихотворения, иногда, музыкальное прочтение подтекста, иногда котрапунктное взаимодействие со стихами, которое приводит к возникновению чего-то абсолютно неожиданного с новыми эмоциональными, трагическими интонациями, например, как в «Майдане». Никитин создал разные музыкальные пространства для разных поэтов. Есть музыка, свойственная только стихам Ю.Мориц, иная – для стихов Д.Самойлова, или А.Тарковского, или Г.Шпаликова... Этим разным поэтам найдены разные музыкальные измерения. Иногда после песен С.Н. бывает трудно слышать песни тех же поэтов в других музыкальных изложениях – настолько адекватно и талантливо соответствует музыкальный мир, созданный С.Н., который не только удерживает поэзию на ее высоте, но и добавляет нечто волнующее и непередаваемое, что вышло к тебе на свет из книги.

Целью этих заметок было не столько дать экскурс в АП, сколько показать, в чем есть или была оригинальность этого жанра. Кто и что создало его отличие от бытовавшей и бытующей песенной культуры. Сейчас, когда все стало дозволено и разрешено, особенно ясно, что к

чему. Например, ясно, что В.Берковский – талантливый композитор, значительно лучше многих официально признанных в свое время из Союза композиторов, что его грех состоял в том, что писал на хорошие, в основном, стихи. Искусственно выкинутый из официального культурного оборота, он нашел свою известность в среде АП, будучи по природе и мировоззрению, ярким профессиональным композитором. Если можно найти объяснение, отчего не пускали в эфир А.Г. или Ю.К., то здесь просто теряешься. И это можно сказать о многих авторах.

АП меняется, перерождается, может вырождается. Совершенно естественно кто-то слился с сегодняшней масс-культурой. Ничего, кроме гитары, не роднит их с Б.Ш. Как будто АП – ан нет – кроме обертки не осталось ничего. Здесь уже в обороте все атрибуты попсы. Еще по инерции, их зовут на концерты АП, но это уже совсем другой жанр. Я не знаю, хватит ли сил у движения АП сохранить свое неповторимое лицо, или ушел советский диктат – и АП в свободной конкуренции должна раствориться в новом коммерческом пространстве, приступить к культурному обслуживанию масс. Боюсь, что слишком обильное «остроумие» АП подчас низкого толка, которое затопляет наши залы, становится той же культурной жвачкой, которой нас стремились пичкать и в советские времена. Проникли интонации урок и в АП, это поначалу забавно, может быть, но вслушайтесь в песни Галича, чтобы понять, какую страшную псевду вкладывают теперь в наши души. А ведь уже так по-хозяйски, многие расположились на сцене. Низкий уровень образования устроителей диктует правила «чем пошлее, тем башлее».

Есть опасность и с другой стороны, как говорила Ю.Мориц, «смесь амбара с будуаром»: когда даже такое благое дело, как пение хорошей поэзии, приводит к плохому результату – к девальвации стихов и их опошлению. Видимо, после успеха наших АП композиторов видится, что хорошие стихи уже создают половину успеха. И краснеешь от стыда, слушая иные интерпретации поэзии Цветаевой, Мандельштама и других святых для нас поэтов. Здесь нарушается самый главный закон АП – или «выдохнуть» свои единственные слова, или служить поэзии, забыв о себе.

Что надо сделать и можно ли сделать, чтобы сохранить то ценное, что составляло нас? Кажется, Бродский, размышляя, спрашивал, из чего состоит человек: из Времени, Пространства, Духа? Он полагал, для воссоздания Человека писатель должен исследовать Время, Пространство, Дух. Своими скромными средствами АП выполняла ту же задачу. Подчас средства были самодеятельными, но задача была та же – воссоздать человека. Чем занимается сейчас писатель в России? Мучительным наблюдением за массовым одичанием, резким падением культуры и образования? Что сегодня есть хорошо, когда сын говорит отцу: "Все ПОРЯДОЧНЫЕ люди воруют, а ты нет, значит, ты не любишь семью !..." В России не было стыдно быть бедным, а теперь нищета уничтожает достоинство, и потому общество делает из тебя человека второго сорта... Русская аристократия потеряла все материальное после

революции, но во многих порядочных и нравственных людях сохранилось то, что даже страх не смог выжечь – Честь и Достоинство. Потому так необходим был Булат в свое время. Никакие тюрьмы и пытки не убили в людях стремление быть людьми. И Б.Ш. рассказал об этом, своим негромким, летучим, неповторимым голосом. КГБ боялось Б.Ш. больше В.В., потому что не на один день писались песни Б.Ш., они строили нас на всю жизнь....

Сегодня частенько АП переходит на КУЛЬТУРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. Как ни странно, раньше это был элитарный жанр. Теперь он предлагает себя, продает себя и, конечно, невольно приобретает на этом рынке черты ПОПСЫ. Из песни уходит интересная личность, индивидуальность, единственность. Массовое тиражирование оказалось более опасным врагом чем советский зажим. Теперь, когда ушел Б.Ш. и его плеяда, стало все возможно. "Нет у них и все разрешено"....

Странно, но именно сегодня, когда так размываются все границы, пришла главная опасность утраты АП. Исчезли авторы-личности, вокруг которых шло бурление. Есть отдельные способные люди с отдельными удачными песнями. Теперь зависит от нашего вкуса, требовательности и общего культурного уровня, что отбирать для себя, останется ли АП на прежней человеческой и творческой высоте, или наша невзыскательность угробит ее.